браво и браво! законно сдѣлалъ!“ говоритъ. — Купчиха купцу тогда говорила: „вотъ я, *отецъ*, тебѣ правду сказала, а ты не повѣрилъ!“

28. Король тогда сказалъ: „Господинъ князь, живи въ моёмъ городѣ намѣсто сына, и я также возьму эту твою невѣстку на мѣсто дочери; и будешь ты у меня править, проживáцца въ моёмъ городѣ намѣсто сына!“ — „Не врéмё мнѣ здѣсь служить, а я ишó у руськова государя должóнъ служить! у меня ешо служба не кóнчена!“ — Начáлъ тестя онъ стыдить и тёшшу: „Безстыдникъ ты такой,—говоритъ:— откупилъ меня на 4 года, а потомъ здумалъ смѣяцца—выдалъ за другóва! (Смѣёшша надо мной!“ говоритъ). — Отправился домой (со старухой расчитался). Пріѣхалъ домой повѣнчáлся; женился и сталъ поживать.

---

12. [Иванъ царевичъ и его невѣста волшебница].

1. Иванъ царевичъ пошолъ на охоту. И ходилъ онъ недѣли двѣ, заблудúлся. Стоитъ избушка. Нечаянно въ эту избýшку онъ зашóлъ. Въ этой избушкѣ живётъ старушка одна себѣ. Старуха эта говоритъ: „Вотъ што, Иванъ царевичъ, ко мнѣ сейчасъ гости приходятъ; я занавѣской тебя прикрóю, ты подъ лавкой сиди, не выгля́дывай!“ — Иванъ царевичъ залѣзъ подъ занавѣску. Прúбыли къ этой старушкѣ три дѣвúцы. Дѣвицы какъ заявúлись, и сказали: „Ахъ, у тебя гось, баушка, есь!“—А она говоритъ, што „у меня гостя никáкова нѣтъ!“ — „*Чё* намъ сказывать? мы знáемъ!“ — Дѣвúцы разговаривать не стали, воротúлись и ушли.

Иванъ царевичъ вылѣзаетъ изъ-подъ лавки, говоритъ старушкѣ: „изъ трёхъ одна очень хорóша, мнѣ *поглянýлась*! нельзя ли её замужъ взять?“—„На слѣдующшой разъ,“— старушка сказала:—„придутъ онѣ, такъ я скажу *имя́*, што не желáютъ ли зáмужъ идти за Ивана царевича?“

2. Онѣ во второй разъ прилетаютъ. Двѣ остались на дворѣ, а одна зашлá въ избу. Дѣвúца сказала: „всё ешо у тебя гóст'ётъ гостúтъ?“—„Гось у меня не простой, а Иванъ царевичъ! не желаешь ли ты за ево зáмужъ?“ — А дѣвица отвѣтила, што „я у сестёръ спрошу, потомъ скажу!“ — А старуха говоритъ [Ивану царевичу]: „у нихъ долго этакъ

не добьёшша (не дождёшша)! поди жо ты къ морю: есь на мо́рѣ старой кора́бъ, ты залѣзь въ этотъ кара́бъ! Потомъ онѣ прилетя́тъ голуби́ми, пла̀тья съ себя сбросятъ. Есь одна изъ ихъ дѣви́ца, а двѣ замужнихъ; ты смотри: замужніе пла́тья бросятъ вмѣсто, а дѣви́ца врозь".

3. Иванъ царевичъ заяви́лся на кора̀пъ. Прилетѣли, платья бросили—замужніе вмѣстѣ, а дѣви́ца врозь. Иванъ царевичъ спряталъ платье дѣви́цы. Выкупались. Замужніе одѣлись. Сказала дѣви́ца: „вы, се́стрицы, отправьтесь, я оста́нусь!"—Онѣ улетѣли, она осталась и говоритъ: „выбрось платье, я пріодѣнусь, и потомъ приходи ко мнѣ: если ро́вня моя, такъ будь мужъ мнѣ, а если старше,—братъ родной!"—Она пріодѣлась, онъ къ ей вы́шолъ. Видитъ, што ро́вня, за ручку взяла́, поздоро́валась и въ уста́ поцѣловала ево. Дѣвица сказала: „*откуль?* какой?"— „Я человѣкъ не простой, а Иванъ царевичъ, *заблудя́шшой* человѣкъ; а желаю тебя взять въ заму́жество за себя".

4. И она сдѣлалась согласна; перебро́сила съ руки на̀ руки кольца свои, — изъ кольца̀ выскочило три ухоре́за. — „Што ты насъ покликáшь? на какіе работы посыла́шь?" — „Придоставьте, здѣсь штобы сечасъ были ла́гири и самова́рчикъ готовъ и жаренова-па́ренова!" — Живо всѐ готово сдѣлалось. Она скричѣла своими слу́гами: „исправьте мнѣ кора̀пь, могъ штобы бѣгать и моря́ми, и поля́ми (луга́ми), и лѣса̀ми!"

5. Пріѣзжаютъ къ ие́ до́му; остановила она карапь. Сказала дѣвица: „я живу вотъ въ этѣмъ домѣ. Ты сходи къ моему́ отцу: подойди къ поратнему крыльцу и скажи, што „прими, баринъ, нечаяннова го́сьтя кь себѣ". (Она живётъ одна, въ особенномъ домѣ, эта дѣвица). Онъ подходитъ къ поратнему крыльцу, кричѣлъ, што „баринъ, прими меня, печаяннова гостя: молоде́цъ не простой, а Иванъ царевичъ!"—Баринъ скричѣлъ своихъ сорокъ слугъ: „Слуги, натаскайте въ комнату гороху и сутки *уважа́йте* ево—ползайте на колѣнкахъ (на гороху)!"

6. Слу́гамъ невозможно стало ползать по гороху.—„Пойдёмте въ *подтюре́мокъ* къ Васькѣ Большеголовому: онъ намъ чево-нибудь скажетъ!"—Онѣ, всѣ сорокъ человѣкъ, пришли къ подтюре́мному за́мку, скричѣли: „Васька Большеголовой, навяза̀лся къ намъ Иванъ царевичъ! не знаешь ли,

чѣмъ (какъ) ево выжить изъ комнатъ?" — Васька Большеголовой сказалъ: „дайте по́ сту рублей! я скажу, што сечáсъ ево баринъ вы́гонитъ". — Онѣ о̀тдали ему сорокъ сотельныхъ. — „Вотъ што, робята, вы скажите, што онъ намъ похва̀стался сдѣлать корапь—штобы онъ могъ бѣгать и луга́ми, и моря́ми, и лѣсами. Гдѣ ему ето сдѣлать?!"

Приходитъ сорокъ человѣкъ, кричѣли всѣ вразъ: „баринъ, намъ Иванъ царевичъ вотъ чѣмъ похва̀стался: што можетъ онъ сдѣлать корабъ — штобы онъ могъ бѣгать и луга́ми, и моря́ми, и лѣсами!" — „Призовите ево сюды́, я самъ спрошу́!"—Приходитъ Иванъ царевичъ.—„Иванъ царевичъ, ты выхва́стываешша передъ моими слугами, што можешь исправить такой карапъ, штобы онъ могъ бѣгать и луга̀ми, и моря́ми, и лѣсами... А не исправишь, я тебѣ заутра̀ и голову сказню́!"—„Ну, ладно; до утра́ дѣло про̀длицца, утромъ што будетъ!"

Приходитъ къ ево дочери въ комнату и говоритъ: „Родитель твой за̀далъ мнѣ зада́чу — исправить корабъ, штобъ онъ бѣгалъ и морями, и луга́ми и лѣсами"...—„Это не твоё дѣло: утромъ ставай, всё готово будетъ!"—Поутру́ стаётъ, карабъ готовой. Сказала дѣвица: „поди къ барину, покатайтесь на кораблѣ!"—Приходитъ Иванъ царевичъ: „Карабъ готовъ. Баринъ, давай садись, съѣздимъ поката̀мся!"—Сяли на этотъ корабъ, *на́перво* поѣхали морями, потомъ пересѣли луга́ми, потомъ лѣса̀ми; пріѣзжаютъ наконецъ домой.

7. Скричѣлъ баринъ своими слу́гами: „сорокъ слугъ, натаскайте ишо болѣе тово гороху, потчуйте ево двое сутокъ всякими *бисѐртами!*" — *Имя́* сдѣлалось трудно. — „Подёмте, ребята, къ Васькѣ Большеголовому: онъ намъ скажетъ, чѣмъ вы́жить ево!"—Пришли къ Васькѣ Большеголовому, скричѣли всѣ вразъ: „Васька Большеголовой, што ты приказалъ, онъ испра̀вилъ!"—„Отдайте мнѣ теперь по двѣсти рублей де́негъ: я што скажу, ему во вѣки не испра̀вить, ево баринъ завтра же вы́гонитъ!"—Отдали онѣ по двѣсти рублей денегъ. Сказалъ Васька Большеголовой: „вотъ што, робята, скажите, чѣмъ похва́стался онъ намъ: на болотѣ посѣю хлѣбъ, и въ ночь этотъ хлѣбъ роди́цца и поспѣетъ; штобы и выжать и *склась* и поутру изъ свѣжева хлѣба булки штобы готовы". — „Ну, ребята, Васька Большеголовой выдумалъ, намъ бы не вы́думать!"

Приходятъ всѣ сорокъ человѣкъ къ барину, скричѣли всѣ вразъ: „Баринъ, намъ Иванъ царевичъ вотъ чѣмъ хва́стался: на болотѣ посѣю хлѣбъ, и въ ночь этотъ хлѣбъ родицца и поспѣетъ, штобы и выжать и склась, и поутру изъ свѣжева хлѣба булки штобы готовы". — Баринъ приказа́лъ ево призвать къ ему. — „Што ты, Иванъ царевичъ, слугами хва́сташша, а мнѣ ничё не говоришь?.. Штобы ты посѣялъ хлѣбъ на болотѣ и въ ночь штобы хлѣбъ поспѣлъ и поутру у тебя штобы булки изъ хлѣба были готовы!"— „Што ты, што ты, баринъ?" говоритъ. — „А не сдѣлашь, я тебѣ и голову сказню!"—До утра́ дѣла будетъ, утромъ што будетъ!

Приходитъ онъ къ ево дочерѣ, обсказываетъ ей: „Родитель твой за́далъ мнѣ задачу вотъ какую: штобы посѣялъ хлѣбъ на болотѣ и въ ночь штобы хлѣбъ поспѣлъ и поутру штобы булки изъ хлѣба были готовы!"—„Это не твоё дѣло: лёжись спать, утромъ всё готово будетъ!" — Поутру стаютъ,—у ей ужъ и булки поспѣли. Приноситъ барину изъ свѣжева хлѣба калачи. Баринъ глядѣлъ на болото: много кладе́й накла́дено. Дивился этому дѣлу. (Онѣ устроятъ, нечистые-то ду́хи).

8. Скричѣлъ баринъ: „сорокъ слугъ, подчуйте этова человѣка трое сутокъ! натаскайте болѣе тово гороху, на колѣнкахъ ползайте—уважа́йте ево!"—Ползали трои сутки, заболѣли *ихи* колѣнки.—„Подёмте, ребята, ешо къ Васькѣ Большеголовому! онъ вы́думатъ: сживать надо ево какъ-да-небудь!"—Пришли всѣ сорокъ человѣкъ, скричѣли въ одинъ голосъ! „Васька Большеголовой, што ты сказалъ, онъ и сдѣлалъ!"—„Ну, сёдни скажу, не сдѣлать никовда! Отдайте вы мнѣ севодня по триста рублей съ человѣка, *тожно* я выдумаю!" (Ладно онъ себѣ де́негъ-то *грудитъ*!). Онѣ отдали по триста рублей денегъ.

Васька Большеголовой сказалъ: „выстрою я сере́дь моря цѣръкву, и штобы были попы и дьяки́, поутру и звонъ готовой былъ бы; отъ етой церъкви до дворца исправить хрустальной мостъ, а на мосту штобы на каждомъ поворотѣ по ёлочкѣ стояли, на этѣхъ ёлкахъ штобы сидѣли разные птицы и пѣли разными голосами!"—Приходятъ онѣ сорокъ человѣкъ вразъ къ барину, скричѣли всѣ вразъ: „Вотъ намъ Иванъ царевичъ чѣмъ хвастацца: „выстрою

я середь моря церъкву, и штобы были попы и дьяки, поутру и звонъ готовой былъ бы; отъ етой церъкви до дворца исправитъ хрустальной мостъ, а на мосту штобы на каждомъ поворотѣ по ёлочкѣ стояли, на этѣхъ ёлкахъ штобы сидѣли разные птицы и пѣли разными голосами!" (Всё высказали). — „Што онъ за чудакъ! *Тупàйте*, зовите ево сюды, я ево спрошу самъ!" — Приходитъ Иванъ царевичъ.— „Што ты за чудакъ: моими слугами хвасташша, а мнѣ ничё не говоришь! На возмóрьѣ выстроить хвасташша цéръкву, штобы были попы и дьяки, поутру и звонъ готовой былъ бы; отъ етой церъкви до дворца исправить хрустальной мостъ, а на мосту штобы на каждомъ поворотѣ по ёлочкѣ стояли, на этѣхъ ёлкахъ штобы сидѣли разные птицы и пѣли разными голосами!" — „Што ты, што ты, баринъ! гдѣ мнѣ это дѣло сдѣлать?"—„А не сдѣлашь, я тебѣ *заутрà* голову сказню!" — „Ну ладно, до утра; утромъ што будетъ!"

Приходитъ, своёй невѣстѣ это всё обсказыватъ. — „Ну, это не твоё дѣло!" — Невѣста поставила чашку: „давай севодня плюй въ чашку слюней!" — Онѣ въ ночь наплевали полную чашку. Она вылѣзла въ трубу и ево выняла, а окна запечатала. Пошли онѣ въ руськое государство съ имъ. (Повела ужъ она ево домой: жить невозможно тутъ стаётъ). — Поутру баринъ поглядѣлъ, видитъ на возморьѣ церъковь и отъ етой церъкви до дворца хрустальной мостъ...

9. Приказалъ слугамъ гадательную книжку подать: „хто ему пособляетъ?" — Поглядѣлъ въ гадательную книжку, узналъ, што ему дочь помогаетъ. На это онъ осердился; сказалъ слугами: „*тупáйте* спросите: што есь *ле* онѣ дома?—товда затопите баню!" — Слуги подходятъ къ дому, скричѣли: „дома ле вы?" — А слюни отвѣчаютъ въ чашкѣ, што „дома". — Онѣ приходятъ къ барину: „онѣ дома; што прикажешь?" — „Истопите теперь пожарче баню!" (Я, говоритъ, ево изжарю и съѣмъ! ишь чё думатъ!). — Онѣ истопили, изготовилась баня; слугъ посылаетъ за имъ. Слуги приходятъ: „што вы долго спите, не открываите òкна? дома ли вы?"—А слюни не отвѣчаютъ: у нихъ сила вышла уже. Тогда онѣ открывали окна и смотрѣли, што ихъ дома нѣтъ. Сказали барину.

10. „Подайте мнѣ гадательную книжку: я посмотрю, гдѣ онѣ есь?“—Глядитъ онъ въ книжку; доказыватъ ему, што онѣ въ путѣ: идутъ въ руське государство. Посылаетъ своихъ слугъ: „если вы догóните, воротúте ихъ назадь!“— Слуги, всѣ сорокъ человѣкъ, поѣхали; „догонимъ, такъ мы имя́ дадимъ жару!“ — Стали ихъ догонять; она оввернула ево стожкомъ, сама—*остóжьемъ*. Онѣ взадь-вперёдъ проѣхали, никово окромѣ етова стожка не видали. Пріѣхали къ барину, обсказываютъ: „мы никово не видали, окромѣ — стоитъ стожокъ, остожье, больше никово!“ — Баринъ сказалъ, што „вы бы везли жердь, мы бы ихъ воротили. *Тупáй*, везите жердь! мы воротимъ ихъ“.

Онѣ во второй разъ поѣхали. Она услыхала погоню. — „Мила ладушка, за нами погоня ѣдетъ!“ говоритъ. Обворотила ево коровой, а сама сдѣлалась старушкой, сяла подъ ево и давай доить. Онѣ поѣхали, старушку догоняютъ, поздоровались, старушки спросили: „Баушка, не видала ли—проходили молоде́цъ съ дѣвицей?“—„Не видала, нихто и не проходилъ“. — Воротились онѣ, обсказываютъ (все) барину.

11. Баринъ: „васъ нечево посылать! послать надо свою *хозяйку*, она васъ лучше догонитъ!“ (Хозяйка у ево людоѣдка, волше́бница хитрая). „Призвать хозяйку ко мнѣ на лицо!“ Баринъ свою хозяйку посылаетъ: „когда она не спросилась у меня, выходитъ за Ивана царевича, *тупай* ихъ вороти назадь!“ — Мать полетѣла. Сразу узнала она: „погоня за нами не простая, а летитъ мамонька родная“.— Перебросила она съ руки на руки ко́льца, выскочили три ухорѣза: „што ты насъ покликашь, на каки работы посылашь?“—Сказала ета дѣвица: „пропусти огненную сечасъ рѣку, а за огненной рѣкой штобы были *лàгири*! наташшыть всякова *бисе́рту*!“ (отдыхъ здумали). — Прилетѣла мать къ рѣкѣ: „Ахъ, дочь, я летѣла васъ благословить, а ты вотъ што сдѣлала, не допушшашь меня до себя!“ —„Ты хи́тница, ты должна насъ сгубить обоихъ!“ — „Нешто я не сдѣлаю! только благословлю и повидаюсь съ Иваномъ царевичемъ; допусти меня посмотрѣть жениха!“ — Дочь приказала своими слугами: „не допустить, а утопить её въ огненной рѣкѣ, мать мою, штобы её не было на бѣломъ свѣтѣ!“

12. „Ну, Иванъ царевичъ, теперь мы отправимся съ тобой въ твое государство, теперь я никово не боюсь: отецъ у меня простой человѣкъ, ничево́ не знаетъ!“—Доходятъ онѣ до руськова государства; невѣста говоритъ ему: „мнѣ въ твой городъ идти нельзя сеча́сь! Стану я въ етотъ дубъ. Мотри́, придёшь домой, мать свою не цолу́й въ уста́, а цолу́й въ шшо́чки (всѣхъ цолуй въ уста). Какъ если ты мать поцолу́ешь въ уста́, то ты меня забу́дешь!“

Наказа́ла она ему: „Если не поцолу́ешь мать въ уста́, пріѣдешь, вотъ я въ этѣмъ ду́бѣ буду стоя́ть. *То́* ты запряга́й 10 лошадей рабо́чихъ, приди къ дубу, этотъ дубъ *стегни́* плётью. Изъ дубу я выйду змѣёй; ты подойди́, стегни плетью, скажи: „изъ змѣи́ *обверотйсь* дѣвицей, а передъ дѣви́цей окажи́сь казна́ неоцѣненная!“ (Сама-то она волше́бница).

13. Иванъ царевичъ приходитъ въ свое восуда́рство, въ въ свой домъ; заходитъ въ свои ко́мнаты, со всѣмя́ поздоро́вался, сялъ въ сту́ло. Нехто́ не можетъ ево призна́ть, што онъ сынъ ихъ. (Ево потеряли, 'начитъ: много годовъ онъ прожива́лся тамъ; оборва́лся, небо́сь, обноси́лся). А у матери слёзы наверну́лись, што ши́пко на сы́на похожъ; какъ взгля́нетъ, и запла́четъ. Иванъ царевичъ сказалъ: „Ма́ти, не плачь! я вашъ сынъ!“—Мать на нево па́ла, запла́кала; онъ поцѣловалъ мать въ шшо́чки—въ ту шшочку и въ другую. Также бра́тьевъ и отца своёва — всѣхъ поцѣловалъ въ уста́.

Сыновья́ замѣтили: „што же, бра́тчикъ, всѣхъ насъ поцѣловалъ въ уста, а нашу родительницу въ шшочки? или нашей родительницей мо́ргуешь ты—не поцѣловалъ её въ уста?“ — *То* онъ во второй разъ подскочилъ, мать въ уста поцолова́лъ. Какъ мать поцолова́лъ—и невѣсту забылъ.

14. *То* невѣста—„не́чево мнѣ стоя́ть въ ду́бѣ“ — отправилась сама къ царю въ городъ руськой. Выпросилась она у старухи кварте́ровать. Старуха живётъ одна себѣ.—„Старушка, знать очень ты бѣдно́ живёшь?“ — „Я только по́ міру хожу, тѣмъ и пита́юся“. — Дѣвица сказала: „прими меня съ тобой жить: я буду гдѣ воды́ носи́ть, гдѣ и дровъ подташшу́—веселѣе двоимъ жить будетъ!“ — Старуха согласилась её держать. — „Ба́ушка, чѣмъ намъ такъ жить, я человѣкъ молодой, напишу́ я три письма́, сташшы́ ты

ихъ во дворецъ: первое письмо передай Ивану царевичу, а два письма енера́ламъ, штобы ходили они къ намъ въ госьти". — Старуха пи́сьмы эти взяла, поташшы́ла во дворецъ и роздала Ивану царевичу и енера́лами.

15. Сходяцца онѣ всѣ троё, уговариваюцца, кому напередъ итти въ госьти. *На́перво* старшему енералу приказалъ Иванъ царевичъ итти въ госьти. Енера́лъ пове́черу приходитъ къ старушкѣ въ избу, какъ огонь онѣ взяли. Старушка лёжала на печѣ, а невѣстка на пола́тяхъ. Она занавѣсочку отбросила и смотритъ. — „Ба́ушка роди́мая, госьть къ намъ хорошой пришо́лъ. Вышила я про нево ширинку, да во дворѣ забыла у дровъ. Роди́мая баушка, сходи-ко за ширинкой!" — Старуха на отвѣтъ сказала: „я сама стара́, у меня ж..а тяжела́, сходи́ сама!" — А енералъ сидитъ: „нельзя ли мнѣ сходить?" — „Сходи *'но* ты, помоло́же!"

Приходитъ енера́лъ къ дрова́ми, тутъ топоръ лежитъ и также *костёръ* дровъ. Онъ взялъ топоръ, приня́лся эти дрова рубить на ме́лки. Прорубя́лъ онъ до свѣту, смозо́лилъ свои руки, потомъ здумалъ къ царю бѣжать во дворецъ. Сдѣлалось ему канфу́зно: всю ночь дрова́ рубилъ. (Нечево и ходить къ такой невѣстѣ!).

16. День проходитъ. Къ вечеру другой енералъ кати́цца въ гости. Приходитъ къ старушкѣ въ домъ; старуха лежала на печѣ, она на пола́тцахъ. Зглянула дѣвица: „охъ, баушка, гость хоро́шой пришолъ; вышила я для нево ширинку, да около конюшни забыла. Родимая баушка, потруди́сь, сходи́ за ширинкой!"—„Я стара́, у меня ж..а тяжела́, сходи сама!" — А етотъ самой енералъ сидитъ: „нельзя ли мнѣ сходить?"—„А милось будетъ, потрудись сходи!"

Енералъ подходитъ къ конюшнѣ; тутъ стоитъ кирка́ и лопа́тка, назёмъ нача́лъ выбра́сывать изъ конюшни, всю ночь броса́етъ. (Рабо́ты даётъ *имя́*). Енералъ вылѣзъ изъ конюшни, глядитъ: со́нцо ужо́ высоко́ взошло. Тогда онъ бѣжалъ скорѣ къ царю́ во дворецъ, весь въ г...а́хъ вы́валялся. (Вотъ и невѣста, полюбовались!).

17. День проходитъ. По вечеру Иванъ царевичъ приходитъ къ дѣви́цѣ къ етой самъ. Дѣвица смотрѣла съ пола́тей. — „Родимая ба́ушка, госьть у насъ пришо́лъ хоро́шой, человѣкъ не простой, Иванъ царевичъ! Родимая

ты баушка, вышила я для нево ширѝнку, да въ сѣнкахъ сидѣла, забыла. Сходи жо ты!"—„Я, дѝтятко, стара̀, у меня ж..а тяжела!" — А Иванъ царевичъ: „да што́, е́тта сѣнки недалѐко, нельзя ли мнѣ сходить?" — „Сходи, Иванъ царевичъ, въ сѣнки за ширинкой".

Тутъ стояло ячме́ню по́лонъ мѣщо́къ и жорновца̀, и онъ всю ночь крупу́ моло̀лъ на жерновца̀хъ. Отворилъ онъ дверь, видитъ, што сонцо взошло ужо высоко̀; не взглянулъ онъ въ избу, убѣжалъ Иванъ царевичъ домой. Увидѣлъ ево енералъ, спросилъ: „Иванъ царевичъ, какъ невѣстка—хороша ли?"—Иванъ царевичъ сказалъ: „бо́лѣ не пойду, всю ночь я крупу́ моло́лъ".—Старшой енералъ сказалъ: „я всю ночь дрова прорубилъ!" — „А я всю ночь назёмъ чистилъ!" — „Больше не пойдёмъ,—говоритъ:—къ ей!"

18. Посыла́етъ Иванъ царевичъ своёва родителя въ королѐвство за себя сватать невѣсту. Царь карету запрягаетъ, пріѣзжаетъ въ королевство, объясняетъ, што „съ добрымъ словомъ, за сва́таньемъ". — Съ великой охотой про царя. Король приказалъ: „пушай Иванъ царевичъ прямо ѣдетъ за невѣстой!"

19. Эта самая невѣста [волшебница] старушкѣ подаетъ сто рублей денегъ: „сходи на куфню къ царю, сырова хлѣба булку купи за сто рублей!" („Можетъ, дёшово не продадутъ", говоритъ). — Старушка приходитъ къ царю на куфню къ повара̀ми: „продайте мнѣ сырова хлѣба булку! Што возьмёте?" — Повара́ для насмѣшки сказали старухѣ: „если не жалко сто рублей! а ниже не отдадимъ! сто рублей за булку!"—Приноситъ старушка тѣсто и подаётъ невѣстѣ. Она сотвори́ла голубя и *голуби́ху* изъ тѣста, посылаетъ ихъ въ королевство(этихъ голубей).

Иванъ царевичъ пріѣзжаетъ къ царю за невѣсткой. При́няли ево во дворецъ и завели въ ко́мнаты. Ивану царевичу по́дали невѣсту; садился онъ за столъ съ невѣстой. Только онѣ сяли за столъ, голуби пробились, сяли къ столу близко; голуби́ха ударила го́лубя крыло́мъ и сказала: „ты, подлецъ, то не сдѣлай надо мной, какъ Иванъ царевичъ: бросилъ Марѳу царевну свою, раньше которая невѣста!" — Король сказалъ: „убрать этихъ голубей!" — А Иванъ царевичъ: „погоди,—говоритъ:—мнѣ любопытно поглядѣть на ихъ! пушшай,—говоритъ:—онѣ сидятъ тутъ у стола!"

Повторила голуби́ха: второй разъ ударила голубя кры́ломъ и сказала: „если ты меня бро́сишь въ чужомъ государствѣ, я тебя не вы́пушшу изъ твоихъ пала́тъ и ко́нчу!“— *То* Иванъ царевичъ здумалъ про это: „это непремѣнно отъ невѣсты присла́ты голуби!“ — „Пойма́ть ихъ!“ — А ихъ только и видѣли: онѣ улетѣли.

20. Вздумалъ Иванъ царевичъ про свою про старую невѣсту, сказалъ королю́: „мнѣ твою дочь нельзя взять! я не бракую, только нельзя: есь у меня невѣста въ *Уралѣ* — если я ее не возьму, то мнѣ живому одинъ мѣсяцъ не прожить, она меня ко́нчитъ!“ — „Я съ тебя много возьму денегъ за то, што ты посмѣялся!“—„Всё ровно́! Лучше же я за безчестье заплачу́, а всё таки мнѣ твою дочь нельзя́ взять!“—Уѣхалъ безъ невѣсты.

Пріѣзжаетъ домой, королевскую дочь не привёзъ. Царь стрѣтилъ и сказалъ: „Што же ты, Иванъ царевичъ, почему ты невѣсту не привёзъ отъ короля? или не поглянулась?“— Иванъ царевичъ сказалъ: „Тя́тинька, есь у меня невѣста въ *Уралѣ*, только я забылъ про неё! Мнѣ нужно ѣхать за своёй невѣстой. Если я ее не возьму, то мнѣ живому одинъ мѣсяцъ не прожить, она меня ко́нчитъ!“

21. „Тятинька, нужно десять телѣгъ рабочихъ запрегчи́, и вотъ я запрегу себѣ одинадцатую каре́ту“. Сялъ въ карету съ кучеромъ; ѣхали за нимъ 10 подводъ телѣгъ. Пріѣзжаютъ къ етому дубу. — „Ребята, што́ я стану дѣлать, вы не убо́йтесь, только гляди́те на меня!“—Подходитъ онъ къ дубу, стегнулъ своей плетью — и вышла змѣя́, ужа̀сная, какъ огло̀бля.

Подходитъ Иванъ царевичъ къ змѣѣ, стегнулъ её нагайкой, сказалъ: „овворотя́сь изъ змѣи дѣви́цей, а передъ дѣвицей казна неоцѣне́нная!“ — Образовалась золотая, гора́. Зо́лота нагребли́ десять телѣгъ, сами сяли въ карету, поѣхали къ царю во дворецъ. Пріѣзжаютъ къ царю во дворецъ; со всѣмя́ она обошла́сь, поздоро́валась. Приказалъ царь съѣздить къ вѣнцу, повѣнчацца. Завели пиръ на весь міръ. Кути́ли сколь есь. И сказкѣ конецъ!